

7115. III
Художникъ В. В. Верещагинъ.

ЛИТЕРАТОРЪ.

(ПОВѢСТЬ).

1/2 .

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвер. Т-ва М. Н. Кушнеревъ и Ко.
Пименовская улица, собственный домъ.

1894.

Slav 4356.7.11

✓

79*2

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY

JUN 26 1981

ЛИТЕРАТОРЪ.

(Повѣсть).

I.

Въ Кириловскомъ, попросту Кириловкѣ, сегодня суета: молодой баринъ уѣзжаетъ на войну.

Господи, какъ время-то идетъ! Володя, — тотъ самый Володя, котораго дворня, всѣ, что постарше, бывшіе крѣпостные, няньчила, видѣла младенцемъ, мальчикомъ, подросткомъ, — звенить теперь шпорами, заглядывается на дѣвокъ въ крестьянскомъ хоро-водѣ, крутитъ молодой усъ и вотъ хочетъ помѣряться съ врагомъ на Дунаѣ. Юный офицеръ, еще не совсѣмъ оправившись отъ тяжелой болѣзни, перенесенной въ отпуску, настоялъ на немедленномъ отъѣздѣ въ армію, такъ какъ ему совѣстно было благодушеествовать въ деревнѣ въ то время, какъ почти всѣ товарищи дрались съ турками.

Отъѣздъ назначенъ на сегодня, и проводы, а съ ними и хлопоты въ самомъ разгарѣ: стряпаютъ, пекутъ и жарятъ съ ранняго утра. Какъ ни отказывался Владиміръ, какъ ни увѣрялъ мать, что онъ

все достанетъ дорогою, потому что до города и желѣзно-дорожной станціи недалеко, Анна Павловна рѣшила, что онъ возьметъ съ собой всего, благо все, навѣрное, пригодится.

— Право, я весь пропитаюсь масломъ и начинками, — шутилъ жаловался онъ матери.

— Что-жь, пропитайся, за то не испортишь себѣ желудка, да и товарища будешь продовольствовать.

— Ну, ужъ товарищъ-то такъ не взыскателенъ въ ѣдѣ, что можетъ глотать рѣшительно все.

Атмосфера большого Кириловскаго двора была до того полна запахомъ пироговъ, печеній и жареной дичины, что друзья дома, дворняжки «Жучка», «Катайка» и самъ лягавый «Боксъ», не отходили отъ кухоннаго крыльца.

Кучера на конюшенной «галдареѣ» справляли танцъ, и Поликарпъ, готовившійся ѣхать съ молодымъ бариномъ, кажется, успѣлъ уже «налить глаза», какъ выражался о его слабости баринъ-отецъ: изготовляя экипажъ и лошадей, онъ все разговаривалъ не только съ животинами, но и съ оглоблями и постромками, браня ихъ за оказывавшіяся неисправности. Это послѣднее поползновеніе одушевлять неодушевленные вещи своего обихода и объяснять имъ вредъ неисправности и неготовности къ службѣ было всегда вѣрнымъ признакомъ раз-

строеннаго состоянія кучера и выдавало его слабость; въ прежнее, крѣпостное время оно доводило его до экзекуціи «на конюшнѣ», а теперь, послѣ смягченія нравовъ эмансипаціею, до угрозъ быть прогнаннымъ. Послѣдняя мѣра бывала, впрочемъ, приводима въ исполненіе, но Поликарпъ обыкновенно, послѣ недолгаго отсутствія, снова возвращался на старое пепелище, наивно объясняя, что «въ чужихъ людяхъ» ему не живетъся.

Больше и едва ли не глубже всѣхъ была огорчена предстоящимъ отъѣздомъ старая-престарая няня Марѳа, начавшая плакать съ самой той поры Володинаго отпуска, когда была отправлена просьба о переводѣ въ дѣйствующую армію; со времени же назначенія его ординарцемъ къ важному лицу она буквально не осушала глазъ. Назначеніе это устроилъ графъ А., бывшій корпусный товарищ Володинаго отца, всегдашній покровитель семьи. Теперь няня въ хлопотахъ увертыванія, увязыванія и укладыванія, — чего-чего только она ни втиснула бы, еслибъ ее не останавливали! — морщилась и крѣпилась, но временами «силушки ея не хватало, — нѣтъ-нѣтъ, она всхлипывала, а за дверями даже и подвывала. Шутка ли? Ея «дитѣ», какъ по старой памяти она называла своего любимца, несмотря на то, что ему уже шелъ двадцать четвертый годъ, уѣдетъ на войну, подъ пули на смерть! Слыхано ли

итти на такое дѣло, еще не оправившись толкомъ отъ болѣзни? «Не снести ему, пожалуй, головушки,—ой, напорочу я, чего добраго, старая дура! Господи, сохрани и помилуй его! —шептала она непрерывно, почти безсознательно. —Что холоду и голоду натерпится; кто тамъ присмотритъ за нимъ, прислужить, походить въ болѣзни? Заступница усердная, Матерь Господа Всевышняго, защити «ребенка», покрой его святымъ Твоимъ покровомъ!... Не видать мнѣ тебя, роженный мой, не дожить ужъ до этого!» — шевелили ея дрожащія губы и говорили слезливые глаза, когда, выбравъ минутку, входила она въ двери гостиной: сложивши на желудкѣ руки и понутивъ голову, она слѣдила за разговоромъ и за всѣми движеніями Володи, вглядываясь безъ конца въ знакомыя дорогія черты.

Въ ожиданіи невеселой минуты разставанія, семья сидѣла вмѣстѣ: мать бесѣдовала съ сыномъ, тихо разглаживая его волосы; около нихъ ютились другія двое дѣтей, занимавшихся своими разговорами. Отецъ ходилъ изъ угла въ уголъ, изрѣдка вставлялъ свои замѣчанія и нервно ощипывалъ сухіе листья цвѣтовъ или, усиленно мигая, смотрѣлъ черезъ балконъ на наволокъ и рѣку, барабани пальцами по стеклу.

Иногда мамаша выходила какъ будто для распоряженій, но, вѣрнѣе, для того, чтобы на свободѣ

поохать и всплакнуть, такъ какъ возвращалась съ еще болѣе красными глазами.

Двое младшихъ братьевъ,—дѣвочекъ въ семьѣ не было,—одинъ—гимназистъ 3-го класса, другой—подросточекъ, вели рѣчь и о войнѣ, и объ осмотрѣнномъ ими оружіи брата, отточенной саблѣ и двухъ револьверахъ. За отсутствіемъ гувернера-нѣмца, отлучившагося въ городъ, они были на свободѣ и съ утра уже освидѣтельствовали лошадей и экипажъ, а младшій не разъ садился на козлы, воображая себя ѣдущимъ вмѣстѣ съ Володей на войну. Теперь они глядѣли въ окна и наблюдали за дорогою, по которой долженъ былъ пріѣхать священникъ.

— Отецъ Василій ѣдетъ!—первый провозгласилъ мальчуганъ. И точно, отворили ворота и въ нихъ въѣхалъ въ таратайкѣ священникъ съ дьячкомъ изъ большого сосѣдняго села,—въ Кириловкѣ не было церкви, а только часовня.

Батюшка вошелъ въ залъ, расправляя свои длинные волосы, и всѣ присутствовавшіе пошли ему на встрѣчу подь благословеніе.

— Будьте здоровы,—повторялъ отецъ Василій, раздавая кресты.—А воинъ нашъ въ какомъ расположеніи духа изволятъ находиться?

— Молодцомъ!—отвѣтилъ отецъ,—еще бы, дасть Богъ, скоро вернется и поразскажетъ не мало инте-

реснаго намъ, старикамъ. Что въ городѣ новенькаго, отецъ Василий? Вы недавно оттуда? Какіе слухи?

— Слухи все одни, Василий Егоровичъ: не сдается, да не сдается; опять, говорятъ, штурмовать будутъ, — отъ послѣдняго курьера, говорятъ, слышали...

— Ну, нѣтъ, довольно и двухъ разъ, пора за умъ взяться!

— Отчего же, папа? Центръ тяжести войны перенесенъ теперь туда, войска стянуто много, — я увѣренъ, что возьмутъ. Чего же еще ждать? Надобно разбивать этотъ глиняный горшокъ...

— Ахъ, другъ ты мой любезный, не можешь ты быть увѣренъ, когда имѣешь дѣло съ правильно построенными земляными укрѣпленіями; что за день мы разобьемъ, то въ ночь они починятъ! А тутъ еще такая природная позиція. Помнишь, что рассказывалъ раненый генералъ Т.? Мы, видимо, ошиблись: у нихъ есть и генералы, и офицеры, и вооружены ихъ солдаты хорошо.

— Да, Османа не даромъ зовутъ кротомъ, онъ и въ Сербіи...

— Ну, вотъ и тутъ онъ ведетъ себя, какъ кротъ, и противъ него надо дѣйствовать кротовыми же мѣрами...

— Ахъ, вѣдь, забылъ сказать! — съ живостью перебилъ отецъ Василий, обращаясь къ Аннѣ Пав-

ловнѣ. — Вѣра Андреевна Бѣгичева кланяются вамъ; онѣ получили письмо отъ сына: пишутъ, что они теперь на самомъ театрѣ войны, находятся въ отрядѣ генерала Скобелева.

— Bravo, Петя, — весело вскрикнулъ офицеръ, — молодецъ! «Я радъ за него; если это только правда», — подумалъ онъ про себя, такъ какъ зналъ за своимъ пріятелемъ, Петей, слабость прихвастнуть.

— И сами они рады: храбрости, говорятъ, генералъ Скобелевъ необычайной, но и опасно около нихъ: сами никакого страха не знаютъ, и другіе не прячяся. Генералъ Гурко, говорятъ, разумнѣе; они такъ не рискуютъ...

— Ну, волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить.

— Это, конечно, такъ, — продолжалъ отецъ Василій, — но ужъ, кажется, очень они собой не дорожатъ. Какъ Петръ Николаевичъ описываютъ, такъ даже и турки этого генерала отличаютъ отъ другихъ, «бѣлымъ пашею» называютъ. Пишутъ, такія порученія задавалъ имъ, — насилу, говорятъ, живой вышелъ...

— Господи! — громко вздохнула Анна Павловна при мысли о томъ, что и ея Володѣ тоже будутъ давать порученія, изъ которыхъ онъ насилу будетъ выходить живымъ, да и выйдетъ ли? Сынъ понялъ ея мысли и поспѣшилъ успокоить:

— Не бойтесь, мама, за меня... въ штабѣ не такъ, вѣдь, опасно.

— Дай Богъ, дай Богъ, другъ мой!

— Читали мнѣ Вѣра Андреевна изъ письма, что разъ посылали ихъ плѣннаго достать, — я, говорятъ, не досталъ, гдѣ-жъ его достать? — такъ недовольны, говорятъ, были: плохо, говорятъ, батенька, вы поворачиваетесь. Пишутъ, что получили уже солдатскій георгиевскій крестъ и въ офицеры хотѣли ихъ представить. Въ военной, говорятъ, много легче, чѣмъ въ штатской, — проще служба... Были, говорятъ, больны, теперь поправились.

— Какой ужасъ, какой ужасъ! — шептала Анна Павловна, отвѣчая на ту же внутреннюю мысль о Володѣ, представлявшемся ей то больнымъ, то убитымъ, то захваченнымъ въ плѣнъ и увезеннымъ куда-то далеко.

Должно быть, тѣ же мысли мелькали и у дѣтей, съ раскрытыми ртами смотрѣвшихъ то на отца Василя, то на старшаго брата: вотъ-вотъ, какъ онъ пріѣдетъ на войну, такъ сейчасъ же его пошлютъ добывать плѣнныхъ, а то и самого возьмутъ въ плѣнъ, да еще ранять и онъ заболѣетъ, похудѣетъ, пріѣдетъ къ нимъ умирающимъ или безъ ноги, безъ руки...

Младшій Алеша рѣшилъ, что плѣнный долженъ

быть непременно со связанными руками, какъ тотъ недавно пойманный въ конокрадствѣ мужикъ, приведенный къ нимъ на дворъ, котораго напаша допрашивалъ и потомъ отослалъ въ городъ. Что касается турокъ, то они должны быть—ни дать, ни взять — какъ тѣ страшные, всклокоченные крестьяне, что, проѣзжая прошлую весной мимо Кириловки, затѣяли ссору съ дворовыми людьми изъ-за «Жучки», укусившей одну изъ ихъ лошадей.

Мальчуганъ такъ задумался надъ турками, что и не замѣтилъ, какъ всѣ кругомъ него стали выходить въ залъ, къ напутственному молебну.

Засвѣтились свѣчи передъ старымъ потемнѣвшимъ образомъ Спасителя, за рамкою котораго всегда были воткнуты колосья двойнички и тройнички; запахло ладаномъ отъ усердно раздутаго дьячкомъ кадила; волны дыма заходили по комнатамъ, переливаясь во врывавшихся лучахъ солнца: день былъ теплый, ясный, праздничный.

— Благословенъ Богъ нашъ, — началъ отецъ Василій, выправляя волосы изъ-подъ ризы, обтягивая ее и дергая при этомъ плечами и локтями.

Голосъ отца Василя былъ нѣсколько гнусливѣе и значительно торжественнѣе того, которымъ онъ только что передавалъ новости. Дьячокъ подпѣвалъ ему негромко и немного тоскливо, съ пере-

вздохами, настойчиво упирая взглядъ въ косякъ окна, что, по давно установленному замѣчанію, означало «выпиту съ утра».

Теперь, благо былъ уважительный предлогъ, Анна Павловна больше не сдерживалась: она буквально смочила своими слезами полъ, во время непрерывныхъ припаданій къ нему головою и не вставала съ колѣнъ за весь молебенъ.

Даже отецъ, всегда державшійся въ глазахъ семьи твердымъ и невозмутимымъ, сначала только усиленно крестился своимъ большимъ крестомъ и кланялся въ землю, касаясь пола концами пальцевъ, потомъ не вытерпѣлъ и нѣсколько разъ утеръ глаза, отведенные для приличія въ сторону.

Няня заливалась - плакала, перемежая рыданія большими же, очень большими, начинавшимися на маковкѣ головы и спускавшимися почти до колѣнъ, крестами; ея поклоны представляли настоящее бросаніе всего тѣла на землю, и она продѣлывала ихъ съ замѣчательными для ея семидесятипяти-лѣтняго возраста ловкостью и живостью.

Прислуга, дворовыя и нѣкоторыя крестьянскія женщины, нашивавшія на рукахъ теперешняго воина, тоже всхлипывали и усердно сморкались въ подолы въ заднихъ углахъ залы и прихожей.

— О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеніи ихъ

Господу помолимся! — слышался ровный голосъ отца Василя.

— Господи, помилуй! Господи, заступи и помилуй насъ! Царица небесная матушка! Заступница наша! — слышалось со всѣхъ концовъ залы, наполненной клубами ладона.

Подходя ко кресту послужилъ нѣкоторымъ облегченіемъ для всего общества.

Глаза еще не успѣли высохнуть отъ слезъ, какъ послышался вдали звонъ колокольчика. Дѣти, а за ними и большіе вышли на балконъ.

Кто бы это могъ быть? Кажется, Надежда Ивановна?

Въ деревнѣ отворился отводъ, ведущій съ поля, и тройка карихъ проскакала мимо крестьянскихъ избъ, въѣхала на мостикъ и внеслась затѣмъ на гору.

— Она! Надежда Ивановна! Наташа! — вскрикнуло разомъ нѣсколько голосовъ. Владиміръ сбѣжалъ съ балкона и бросился къ крыльцу такъ стремительно, что отецъ съ матерью переглянулись. Онъ торопился встрѣтить если не видимо усталую, полную, добродушно улыбающуюся Надежду Ивановну, то ея хорошенькую племянницу Наталочку, очень красивую дѣвушку, свѣжо и весело смотрявшую изъ-подъ загара и пыли.

Взглядъ петербуржца Владиміра невольно остановился на патріотической, но немного провинці-

альной формѣ головного убора дѣвушки, на чемъ-то вроде высокой мужицкой шапки, перевитой кн-сеей и лентами; но такъ какъ «дѣвушкѣ въ девятнадцать лѣтъ и эта шапка приставала», онъ быстро перевелъ глаза на милое личико пріятеля своего дѣтства, своей «кузиночки», какъ онъ называлъ ее, помогъ ей выпрыгнуть изъ экипажа и провелъ въ домъ.

— Хорошо, хорошо, — дружески пеняла Надежда Ивановна, — до того занялся племянницей, что тетюшка сама выбирайся!...

Это было не совсѣмъ справедливо, такъ какъ слуга уже помогалъ ей спуститься съ подножки.

— Ну, друзья мои, — заговорила она, войдя въ комнаты и обращаясь къ хозяйевамъ, — не взыщите съ меня за откровенность: не поѣхала бы по такой жарѣ, если бы не баловница моя. Шутка ли, ѣхать провожать за 60 верстъ по такому пеклу; но, вѣдь, что вы съ ней станете дѣлать, не дала мнѣ покоя, пока я не согласилась; чуть не плачетъ, уговариваетъ: поѣдемъ да поѣдемъ. Вотъ она сама тутъ, слышать, выдаю ее вамъ головою... Владиміръ Васильевичъ, пожурите ее передъ отъѣздомъ.

— Непремѣнно, непременно, сейчасъ же намылю ей голову! — отозвался Владиміръ уже съ балкона, куда вышелъ вслѣдъ за «баловницею».

— Послѣ, послѣ наговоритесь, пока сядемъ за столъ!

За подѣлуями, розданными Надеждою Ивановой дѣтямъ, и за упрекомъ отцу Василию въ томъ, что, объѣзжая паству своего благочинія и побывавши у ихъ отца Степана, не заглянулъ къ нимъ въ домъ, всѣ размѣстились въ залѣ за большимъ накрытымъ столомъ.

Пріѣзжая объявила, что на такой жарѣ кушать она ничего не будетъ, но беретъ на себя наблюдать, чтобы кушали другіе, особенно отъѣзжающій, и, оглянувъ свою племянницу, сидѣвшую противъ нея рядомъ съ Владиміромъ, заставила отца Василия повторить рассказы Пети Бѣгичева о Скобелевѣ и слухи о вѣроятности новаго штурма.

Ея баловница даже поблѣднѣла немножко, выслушавъ догадки о предполагающейся битвѣ, въ которой другу ея, Володѣ, придется, конечно, участвовать.

— Смотрите же, Владиміръ Васильевичъ,—сказала она быстро и серьезно,—уговоръ дороже денегъ: если съ вами... (маленькая пауза) что-нибудь случится... (пауза побольше), напишите, телеграфируйте и мы съ тетей сейчасъ же пріѣдемъ къ вамъ... Такъ, вѣдь, тетя?

— Хорошо, хорошо, послѣ увидимъ; ты, кажется, душаешь, что безъ насъ съ тобой тамъ не обойдутся.